

Елена Степанян

Третьяковка

и другие

МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ

Елена Степанян

**«Третьяковка» и другие
московские повести**

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

Степанян Е. Г.

«Третьяковка» и другие московские повести / Е. Г. Степанян —
«Теревинф», 2015

ISBN 978-5-4212-0315-5

В книгу вошли помимо новых «московских повестей» ранее публиковавшиеся поэтические произведения, а также пьеса-притча «Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках». С другими произведениями Е. Г. Степанян можно познакомиться на сайтах www.proza.ru и www.stihi.ru (поиск по фамилии автора).

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

ISBN 978-5-4212-0315-5

© Степанян Е. Г., 2015

© Теревинф, 2015

Содержание

I. Московские повести	5
Третьяковка	5
Из книги «Матрона Московская»	12
Вступление к поэме	12
Повесть о Дуняше	13
Царь Манассия[2]	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Степанян

Третьяковка и другие московские повести

I. Московские повести

Третьяковка

Что это было?
Что это означало?
Девочка ходила в Третьяковку
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день.
Приходила
И, для виду побродив по залам,
На скамейке перед «Мокрым лугом»
Просидеть могла хоть целый час.

Иногда она брала с собой подружку
Или сразу двух,
Чернявых и смешливых.
Долго высидеть им было трудно,
Но они старались как могли
И тоже
На Васильевский пейзаж глядели
И шептались,
Как о чем-то очень важном,
А потом все вместе уходили.

Старая смотрительница зала
Этих посещений не заметить
Не могла.
Смотрительницы залов
В Эрмитаже, Третьяковке, Лувре, Прадо
Так порой приметливы и зорки,
Так догадливы,
Хранят такие тайны,
Что иных шедевров подороже.

Но понять, что здесь происходило
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день,
Было слишком трудно.
Люди мыслят
Прецедентами,
А этот «Мокрый луг»

Был одним-единственным на свете...

Девочка ходила и ходила...

И смотрительница потихоньку
Все же сделала попытку разобраться
В том,
Что на глазах ее творится.

И *она*, и две ее подружки
Часто приходили в школьной форме.
Но, скорей всего, они учились
Не в десятом, а в девятом классе.
Выпускнице не позволят слишком долго
Пропадать в музее,
Мамы-папы
Пред лицом великого события —
Поступления в вуз —
Бывают очень строги.

Значит, это был девятый класс...
Детство не закончилось,
А юность наступила —
Самая счастливая пора.
Время расцвести и раз мечтаться
Вдаль и вширь,
И наплевать на то,
Что не сбыться ни одной мечте.

По шестнадцатому году все
Хорошеют,
Но ее краса
В этот год была
В особой, чудной силе —
На нее не пялились мужчины,
А глаза смущенно отводили.

И она, пренебрегая всем,
Дни, которым никогда не повториться,
Проводила в Третьяковке, в этом зале,
В обожании Васильевской картины.
Здесь висели все его работы —
«Виды Крыма», «Оттепель», другие...
Всё, что он успел оставить,
Сам
Навсегда оставшись двадцатитрехлетним.

Приходя и уходя,
Она

Останавливалась на какие-то секунды
Перед каждой из его картин,
Таков был ритуал —
Поздороваться и попрощаться.

Но смотрительница как-то раз,
Зал оставив ненадолго без присмотра,
Возвращалась
И ещё в дверях
Обнаружила, что девочка стоит
Не перед пейзажем,
А перед портретом
Самого Васильева,
Написанным Крамским.

Острый взгляд затылком ощутив,
Девочка отпрянула так резко,
Словно током стукнуло ее.
И четыре дня не приходила.
А на пятый день все три явились.

В этот раз они болтали громче,
Чем всегда,
На «Мокрый луг» глядели меньше,
Подходили и к другим картинам
С видом опытных искусствоведов.
И косились на смотрительницу зала.

Та, демонстративно отвернувшись,
Их не замечала.
Ей и так
Все, что можно вычислить,
Додумать,
Было хорошо о них известно.

Учатся они в английской школе
Тут поблизости,
Живут в домах советской знати,
Здесь же понастроенных —
Об этом говорили
Тонкие колечки и сережки,
Золотые, с настоящими камнями,
Обувь дорогая...
Было ясно,
Это девочки не из простых семей.

Главное неясным оставалось:
Что им дался этот «Мокрый луг»?

И пошло-поехало все то же:
Чуть не каждый день она приходит,
Иногда после уроков забегает,
Чтобы вечером засесть надолго,
А подружки пару раз еще мелькнули
И пропали вовсе.
Школьный год
Завершался.
Наступало лето.
– Неужели будет ездить с дачи?

Приезжала четко через день
До конца июля.
– А теперь, конечно,
Мама с папой повезут на юг, —
Думала смотрительница зала.
– Поглядим, что будет через месяц.

И про все это забыла напрочь.

Неожиданно войной запахло.
Все вопили о советских танках,
Раздавивших «пражскую весну»,
О каких-то новых декабристах,
Сосланных в таежные края.
По ночам с «глушилками» боролись.
Тайная добыча информации
Расцветила жизнь
Необычайно.

И хотя смотрительница зала
Свой имела взгляд на эти вещи,
Про себя она его хранила,
И во время самых жарких споров
Даже одобрительно кивала —
Как бы ни было,

Все это поднимало
Над тупым однообразием быта...

Где-то на исходе сентября
В зале Репина они столкнулись.
Старая смотрительница в зал
Торопилась своей,
А девочка спешила
В противоположном направлении.

– Я могла ее и не узнать,
Девочки меняются так быстро...

Стрижка новая,
Загар ей не к лицу...

Да, она ее бы не узнала,
Если бы не посмотрела та
Ей в глаза
Так прямо и так странно —
Раньше в сторону всегда смотрела.

День прошел,
Потом прошли недели...
И хотя смотрительница знала,
Что теперь никто уж не придет, —
Поднимая взгляд на «Мокрый луг»,
Не могла она никак привыкнуть,
Что скамейка перед ним
Всегда пуста.

Все полотна в этом зале
Для нее давно уже слились в одно,
Тонким пониманием искусства
Никогда она не отличалась,
Знала только имена —
Вот здесь Крамской,
Вот здесь Саврасов,
Вот Васильев, о котором все
Знают,
Что он страшно рано умер.

Но чтоб целый год глядеть на «Мокрый луг»!

«Оттепель» печально величава,
«Крымский лес», таинственный, тревожный...
Что такого в этом «Мокром луге»?

Вот опять Крамской. «Портрет Васильева».
Она вгляделась —
И отпрянула, едва не вскрикнув.

Да, не раз ей доводилось слышать
И читать
О безутешных душах,
Заточенных в собственном портрете.
И союзник трезвого рассудка,
Скептицизм,
Всегда его спасал
От того, чтоб этой мистике поддаться.
Но сейчас —
Рассудку не под силу

Опровергнуть
То, что происходит
На картине этой небольшой...

Кровью налиты его глаза,
Кровью и слезами.
По лицу,
Искаженному страданием,
Пробегают
Судорога боли... Боже! Боже!

Ведь она, придя сюда работать —
Много лет назад,
Знакомилась отдельно
С каждой картиной,
И портреты
Были ей во много раз милее,
Чем занудные тоскливые пейзажи...

Не могла она такого не заметить!
И Крамской не мог такого написать.

Что же здесь происходило?
Что сейчас
Происходит?
Ах, одно понятно:
Он остался,
А *она* — ушла.

Целый год она здесь провела.
Целый год под яростным напором
Дней волшебной отроческой силы
Отступала Времени река,
Образуя крохотную отмель —
Место их таинственных свиданий.

Эти дни иссякли.
Он остался,
А *она* ушла,
Ведь было надо
Продолжать учиться,
Начинать работать,
Выйти замуж
И родить детей.

А в соседнем зале торопили
Поздних посетителей на выход,
И пожарные бесцеремонно
Занялись проверкою объектов.

Старая смотрительница снова
Подшла к *нему*
И безотчетно
По лицу погладила рукой,
И подумала:
– Напрасно застеклили,
Без стекла ему, наверно, было б легче...

Время шло, уже гасили свет,
Был рабочий день ее окончен.
Но в дверях опять ей захотелось
Задержаться
И окинуть взглядом
Этот «Мокрый луг», слезами исходящий
О несбывшейся любви земли и неба.

Кончился ее рабочий день,
И она ушла
И больше не вернулась.

Из книги «Матрона Московская»

Вступление к поэме

По нашим грехам,
По зависти, дегтя чернее,
Спускается Ангел
В одеждах – не сыщешь беднее.

Ах, матушка-зависть!
Ну нечем тебе поживиться:
Короткие ручки и ножки,
Запали пустые глазницы.

А кабы явилась Матрона
В своем настоящем обличье,
Да разве решились бы мы
Простить ей красу и величье?

Наш мир перевернут.
И все, что нам радует сердце и взгляд,
Рукою невидимой черной
Толкает нас в ад.

Меж Богом и нами
Протиснулась некогда зависть-змея,
И ранит чужая удача
Нам душу больней,
Чем потеря своя.

Зловещая тайна —
Ее не сумел разгадать псалмопевец Давид,
Отрава, чьим привкусом
Все мирозданье горчит,
И чахнут деревья,
Дыханием зависти обожжены,
И звезды на смерть и истленье
По зависти осуждены.

Вот так и живем
В заколдованном нами же царстве.
И если погибнет оно,
Куда нам податься?
Обители света
Не примут
Завистливых-злых —

Тогда только тьма остается,
Полна скрежетаний зубовных.

Да разве забудешь, как солнце
В автобусных стеклах плескалось!
Как небо за поворотом
С озерной водой смыкалось!
Как сказочный город бежал
Навстречу тебе, как на праздник, —
И все это тьма пожрала
И воспоминаньями дразнит!..

А что еще вспомнить?
Как дети
Дразнили неловких и слабых
И как втихомолку мечтали
Унизить красивых и храбрых,
Как мать и отец разлюбили
Себя, и друг друга, и нас...

Уходит земля из-под ног...
Скрывается небо из глаз...

Все сходится.
Да, мы виновны.
Мы выбрали участь такую.
Но был же ведь Ангел на свете,
Что души погибших взыскует!

Чего же он ждет?
Или больше
Не в силах молиться о нас?

Услышь! Помоги! Пожалей!
В последний, единственный раз...

Повесть о Дуняше

I

Село Себенó
Меж высоких хлебов затерялось.
Здесь люди как люди —
Живут, как повсюду живут.
Весною цветами любят,ся,
В страду на полях надрываются,

Бранятся, милуются,
Ведают жалость,
И лютые страсти порою им души трясут.

И детство не знает,
Что кончится быстро и сразу,
Как только потянут
Бескрайней зимы холода.
Сверкают на ветках —
на каждом сучочке —
Алмазы,
А схватишь и спрячешь в ладонях —
Прольется сквозь пальцы вода.

И детство девчонок
Счастливей, чем детство их братьев, —
Оно осиянно мечтою волшебной одной:
Примчится жених на коне,
Нарядит в златотканое платье —
И прочь увезет от убогой сторонки родной.

Чем старше, чем краше девица —
Тем грезит она поскромнее.
Трезвее сердечко
У рано подросших невест.
Пуускай не царевичи местные Вани и Гриши,
Но девичий сход их подробно расценит, распишет,
Соседние сёла прихватит —
Да что там соседние! —
Весь Епифанский уезд.

Одной только Дуне Носковой
При этих беседах не место —
Ну лешему впору такая невеста!
В кого уродилась – никто не поймет.
Красивые ладные парни Дуняшины братья,
Сестра ее старшая Варька
В Москве на Арбате
Не в горничных – аж в камеристках —
У барыни знатной живет.

Но если бы кто увидал,
Что в Дуняшином сердце творится,
То рот бы разинул
Иль со смеху помер, поди!
Мечта, о которой давно
Позабыли другие девицы, —
Жених несказанный,
С которым никто не сравнится, —

Живет, ото всех затаясь,
В ее бедной груди.

Да что она, Дуня, безумная что ли?
С такую-то рожей!
Шкелет настоящий,
Обтянутый темною кожей.
Да нет, не похожа она на безумную,
Надо признаться —
За что ни возьметса,
Любая работа в руках ее спорится,
Кротка и приветлива,
Сроду ни с кем не посорится,
И страсть любит в церковь ходить —
А куда еще бедной деваться?

Да как же тогда объяснить,
Что девка – страшилище с виду —
Живет, как царевна из сказки,
Не держит на Бога обиды?
Но жизнь – это ж вовсе не сказка,
А ноша тяжелая наша...
Да кто же тебя надоумил
В такое поверить, Дуняша?
Не выдаст.

Село Себенó
И бóльшие тайны скрывает:
В избе прокопченной, курной
Матрона, девчущка слепая,
Живет —
И дивится народ
От Тулы и аж до Рязани:
С какою бедою к ней кто ни придет —
Сбываются все предсказанья!
Любые болезни целит
Движением маленьких ручек.
Со старшими, словно с детьми, говорит,
Молитве и радости учит.

А кто она? Что она?
Нет, все равно не пойдем.
А раз не пойдем,
Так зачем и вдаваться?
Ну лечит и лечит,
Так ведь все равно все когда-то умрем...
Вот если б давала богатство!

.....
.....

... Село Себенó,
По правде сказать, небогато.
Все больше здесь тех,
Кто не деньги считает, – заплаты.
Но бедность такую
Отыщешь едва ли,
Какая у Никоновых,
У Митяя с Натальей.

Когда их четвертый ребенок
Задумал родиться —
(Уж старшая дочка на выданье,
Надо ж такому случиться!) —
Судили-рядили они,
У многих просили совета,
Решили мальчонку
(Мальчонка, по верным приметам)
Отдать, как родится,
Хотя его до смерти жалко,
В сиротский приют князь-Голицына,
Тот, что в соседних Бучалках.
– Да что тут гадать, там и грамоте учат
И всяким потребным ремеслам.
Еще и спасибо вам скажет,
Как вырастет взрослым!

О Господи! Девка родится.
Да только бы это!
Она же слепая! Сле-па-я!
От грешного белого света
Сомкнутыми накрепко веками отгородилась.
Не хочет нас видеть совсем!
Ах, зачем ты на свет появилась!

Как взвоят Наталья:
– Дитя мое бедное, как же тебя я покину?
Да лучше я вместе с тобою
От голода сгину.
Я землю есть буду,
С протянутой встану рукою,
Покуда жива,
Ни за что не расстанусь с тобою.

Заплакал Митяй:
– Это нам испытанье от Бога —
Нельзя уклониться, нельзя.
Покарает Он строго.
Мы грешны и в вере некрепки,
Чего тут лукавить.

Хотим-не хотим, а придется девчонку оставить.

Вот так нежеланная гостья
У нас поселилась,
И жизнь наша дальше
Своим чередом покатилась.

.....

.....

Семь лет миновало,
И смотришь-ка, Митрий с Натальей
Не померли с голоду
(Хоть и богаче не стали),
Но Марьюшка – замужем,
Миша и Ваня работать охочи,
И – чудо! – нисколько не в тягость
Слепая им доча.

Как будто лампадка,
Зажженная перед иконой,
Улыбкою счастья сияет
Малая Матрона.
Своих и чужих привечает
С такою любовью и лаской!
И страшно Наталье самой
Того, что ей мнится порой, —
Всё видят закрытые глазки.

С детьми не играет совсем,
Вот только Дуняша заходит,
Матрющу за ручку берет
И в церковь Успенья отводит.

.....

.....

Вдруг гром среди ясного неба —
Илью под арест посадили!
(Илья – это Марьюшкин муж,
Уже и троих народили.)
– Ох, тяжкие наши грехи! —
И тут голосок раздается,
Веселый и вроде с насмешкой:
– А завтра Илья и вернется.
– Слепая, пошла бы ты спать!
– Ложимся, ложимся скорее!
Нам завтра на гуумно с утра,
И так ничего не успеем!
– А лучше совсем не ходить.
Назад побежите вы сразу!

– Ты что, очумела, слепая?

Ты кончишь безумные сказы?

И только взялись молотить,
Несутся соседские дети:
– Илья воротился!
Назад
Помчались, забыв всё на свете.

И только Наталья едва
Бредет. И за сердце схватилась:
– Матрона, Матрона!
Ну вот, началось.
За что мне такое случилось?

Привыкла. Душа ко всему
На этой земле привыкает.
И даже к тому, что ночами порой
Над этой землею летает.

Привыкла, что дочка ее
Сидит, как царица на троне,
И люди с поклоном идут
К незрячей девчужке Матроне,

Что кто-то в их дверь по ночам
Проходит, незрим и неслышен,
И полнит избу аромат,
Как яблонь цветущих и вишен.

Привыкла, что стала вдовой,
Что Марьюшка – вся седая,
Что сколько муки ни возьмешь из горшка,
Мука в нем не убывает.

И все же порой, как сквозь сон,
Накатывает удивленье:
– Неужто сам Бог посетил
Убогое наше селенье?

Такая повсюду печаль,
Хоть пляшут, хоть свадьбы играют,
И каждого до смерти жаль —
И тех, что головушку свеся,
Бредут,
И тех, что носы задирают.

Построил Гаврилин Андрей
Себе не избу – а палаты,
На кровные деньги построил! —

И стал
Пред всеми во всем виноватый.

И братьев родных он вконец разъярил,
Четверку коней заимевши.
Не вынесли братья,
Украли коней.
Едва не повесился бедный Андрей!
Помилуй нас, Господи, грешных!

А вот у Носковых беда!
Такая, что вымолвить страшно.
За месяц один и отца схоронили,
И старшего брата Дуняши.
От брата вдову и двенадцать сирот
В наследство они получили.
Старуха Носкова ослепла от слез,
Завидует тем, кто в могиле.
.....

И тут прямо чудо случилось!
Нашелся на Дуню купец:
В соседнем селе многодетный,
Но вовсе не бедный вдовец.

У матери высохли слезы.
Она и мечтать не мечтала!
А Дуня услышала – и обмерла,
До церкви родимой едва добрела,
Пред образом Спаса упала.

Молилась, рыдала,
Винилась в грехах
Пред Господом и пред всеми,
Просила от новой беды упасти
Вдовца горемычного сёмью.
– Ведь я не смогу у них долго прожить!
За что ему снова жену хоронить?

Молилась, и стало на сердце светлей,
И вновь обрела она силы.
И только до дому дошла,
Как словно ее осенило.

Дуняша родную свою обняла
И молвила тихо сквозь слезы:
– Ты старшую замуж давно отдала,
А много ль от этого пользы?
Ведь Варькин-то муж

И совсем богатей —
Аж в Питере лавку имеет!
И не дал копейки на братних детей,
А Варька и пикнуть не смеет.

– Ты всё о других! А что будет с тобой,
С голубкой моей бесталанной!
Остаться навеки чужою рабой
И так и прожить до доски гробовой
Без сёмьи, без деток желанных?

А Дуня хоть слушает эти слова,
Да мимо ушей пропускает.
– Нас всех и всегда выручала Москва,
Пускай и теперь выручает.

Мне только бы место найти, где харчи,
А денег я даже не трону.
– А может, схожу я Матрону спросить?
– Конечно, конечно, Матрону!

– Да шепчут вокруг, что свихнулась с ума
Подружка твоя дорогая.
Как раньше народ утешала она,
Так нынче все больше пугает.

Помещик наш Яньков пришел к ней с женой,
Совсем про другое просили, —
Она же велела именье продать
И прочь уезжать из России.
Ну, как же на это достанет им сил?
Он в это именье всю душу вложил.

Наталья боится ее, как огня,
И то мне шепнула третьёва-то дня:
Матрона такое несет
Про наших царя и царицу, —
Никто повторить не решится.

А Дуня сама себя не узнаёт —
Тверда, словно камень, спокойна, как лед.
– А мы не помещики и не цари.
Сходи и с Матроною поговори.

.....

Без стука в знакомую входит избу
Старуха Носкова в смятенье
И видит – Матрона на лавке сидит,
А перед ней на коленях

Огромный мужик, головою склонен,
И жалобно плачет, как маленький, он.

Матронушка нежные ручки над ним
Простерла и тихо бормочет:
– Ну, крепко засела гадюка-змея,
Никак убираться не хочет.
А мы ее выгоним, мы посильней.
Уходит, уходит! Мы справились с ней!

Носкова не верит глазам и ушам —
Мужик повалился и воет:
– Ах доченька, матушка! Нет ее, нет!
Осталось лишь место пустое!
Ведь сил у меня больше не было жить!
Я руки хотел на себя наложить!
.....

Едва за беднягой захлопнулась дверь,
Набросилась сразу Матрона
На гостью:
– Ты что там затеяла, мать,
Невесть за кого мою Дуню отдать?
Не вздумай мешать ее дивной судьбе.
Ей сужен жених, что не снился тебе.
Захочешь – поверишь, не хочешь – не верь,
Но слово мое непреклонно:
За все свои муки получит сполна.
Ты слышишь? За барина выйдет она!
.....

Конечно же, вскорости эти слова
На всё Себенó раструбила молва.
Смеялись до слез. Но решили, что все же
С бахвальством Матрониным надо построже.
Уже чудеса замахнулась творить!

Такого осмелилась наговорить!
– Так можно накликать беду, Феоктиста, —
Сказали Носковой.
– Тут что-то нечисто.
Смотри, как бы дочери не помереть,
Ведь барин всем барам – всевластная смерть.

Но вскоре про это забыло село,
А Время своею метлой замело
И охи, и толки, и злую молву.
А Дуню послали всё в ту же Москву...

II

...Весь день проходила – нигде не берут!
Хоть столько трактиров и чайных,
Но и в поломойки нанять норовят,
Согласно обычаям, принятым тут,
Смазливых девиц и нахальных.

И стало смеркаться. А где ж ночевать?
И сердце от страха заныло.
– Ведь я зареклась ни за что не ходить
Туда, где Варвара служила.
.....

...Ей было четырнадцать.
Вздумал отец,
Хоть был он всегда никудышный купец,
На рынках московских испробовать силы.
Он с целой округи медов накопил,
Дуняшу в помощники определил,
И вот они вместе в Москву покатали.

Она не припомнит счастливей деньков!
Оса золотая беззлобно кружится,
А люди подходят и пробуют мед,
Дуняша глядит, как светлеют их лица,
И грезится ей, что царевич ее
Вот-вот подойдет, чтобы меду напиться.

А вечером батя, не веря глазам,
Считает рубли и бочата пустые.
За целую жизнь ему так не везло!
– Наверное, дело в тебе, Евдокия!

И лучшего меду они сберегли,
Бочонок нарядный нарочно купили
И тем господам подарить понесли,
Которые Вареньку так полюбили.

Подходят и видят – карета стоит,
Такая, что и во сне не приснится.
И барыня вышла – в карету садится, —
И перья на шляпе, и вся-то она
Сверкает, как райская птица.

И двинулись кони – ну прямо на них!
В испуге они отскочили.

Невольно
Отец за плечо ее сильно схватил —
Аж брызнули слезы, как больно!

И тут он такие слова проронил,
Что сделалось страшно Дуняше:
– Другой, видно, Бог этих бар сотворил,
И нашего Бога постарше.
.....

...Туда – ни за что.
Только сами собой
В Арбатскую сторону движутся ноги.
– Там столько церквей!
Добреду до любой,
Взойду на крыльцо и поплю на пороге.

Но чувствует – за руку кто-то ее
Легчайшим касанием ласковым тронул,
И голос, который с другим не сравнишь,
Не спутаешь, – голос родимый Матроны
Сказал:
– Поспеси до закрытья ворот.
Уж место готово. Тебя оно ждет.
.....

Дворецкий руками всплеснул в изумленье:
– Сестрица Варварина?
Вот так везенье!

А наша кухарка для черных работ
Вот прямо сейчас попросила расчет.
.....

– Матронушка, милая,
Я – как в раю.
Я Божию вижу любовь и твою
Воочью.
Как перышко эта работа
Для нас деревенских.
Сказал бы мне кто-то,
Что буду я жить, как живу я сегодня, —
Как в Граде Небесном
Средь храмов Господних!

Из дома направо – стоит Афанасий!
Налево – в листве утопающий Власий!
Никола, что в Плотниках,
Что на Песках!

И тут же – Песковский красуется Спас!
Николаявленский под сению лип,
Козьма-Дамиан и Апостол Филипп!

Поднимется Дуня ранехонько утром,
Начистит до блеска хозяйскую утварь —
И в храм с посветлевшим от счастья лицом
Идет, словно дочка на встречу с Отцом.
.....

Вот как-то со всею прислугой за стол
На кухне под вечер Дуняша садится.
Тут дверь отворилась —
И что тут пошло!
Все с мест повскакали, давай суетиться:
– Владимир Иваныч, да вы бы позвали!
– Сейчас кипяточку! Да вы бы сказали!

Дуняша сидела спиною к дверям.
Как быть и что делать?
Никто не подскажет.
Она оглянулась – и вскрикнула даже!
И ложка со звоном упала к ногам.

Да это же он!
До малейшей черты
Его ей сто раз описала Матрона!
И даже движенье, каким он сейчас
Усы свои темные тронул смущенно.

– Сидите-сидите! Да я ухожу! —
И за дверь.
А все над испугом смеются Дуняшиным.
– Кого испугалась!
На свете добрей
Не сыщется младшего барина нашего.

– Добрей и прекрасней!
И сердце впервые
Пронзила иглою горячая жалость
К себе, одинокой.
Неужто Господь!..
Неужто Матрона над ней посмеялась?
.....

Посмотрится в зеркальце Дуня —
В ознобе дрожит от стыда.
О нем ли подумает —
Станет ей жарко.

Да чем же он так провинился!
За что ему эта судьба —
Жениться на черной кухарке!

Ш

Нежнейшей любовью любимый единственный сын.
Надежда и гордость советника тайного Жданова.
В художники прочили в детстве...
– С нас хватит и старых картин!
Сейчас инженеров пора,
Чтобы мир переделывать заново!

Волшебные сказки уже обретают железную плоть,
И грезы Жюль Верна
Поверены точным расчетом.
Не знаю, природа ли так рассудила
Иль мудрый Господь,
Но он просто создан для этой работы.

А то, что он напрочь
Гусарских замашек лишен, —
Не ездит по девкам,
Не любит дурацких попок, —
Прекрасно! Он делом своим целиком поглощен.
Оставьте мальчишку в покое!

Ему только это и нужно —
Доскою чертежной,
Как в детстве – этюдником,
Он разгорожен
Со всем, что мешает ему
Величайшим богатством —
Душою своей —
Нераздельно владеть,
Собою самим оставаться.

Как сильно меняется жизнь,
Когда обнаружишь,
Что то, что внутри,
Несравненно дороже того, что снаружи.
И этим ни с кем поделиться нельзя —
Оно неделимо.
Зато оно может расти,
Умножаться незримо.

Он вовсе не замкнут —

Со многими дружен,
Он в свете бывает...
Но все происходит как будто во сне,
Он чувствует —
Ими воспринят не он,
А всё, что извне
Его составляет...

Дворянство, богатство, и папенькин чин
Изрядный,
И городская усадьба!..
А ежели все это взять —
Да отнять бы!
То что же и кто же останется с ним?

Ах да, он забыл, он еще инженер,
Кессонных конструкций знаток и создатель.

– Володя! Вот здорово! Как же ты кстати!
(Кого тут не встретишь на этом Арбате!)
– Составь нам компанию!
Где тут Бугаевых дом?
Ведь ты же с профессором с детства знаком.
Сегодня сынок его Боря,
Во иноках Белый Андрей,
Каких-то из Питера чествует модных людей.

– Спасибо.
Но мне доводилось бывать там —
И даже
Я Блока с женою там видел однажды.
.....

Пролетку нанять и скорее уехать с Арбата,
Подальше —
Туда, где не встретишь коллегу-собрата,
Особенно если выходишь из храма,
А с ним и такие случаются драмы.

Ох, что тут начнется!
И пальцем покажут,
И на смех поднимут!
И даже навяжут
Бессмысленный спор.
А ведь он зарекался,
Что спорить не будет, —
И снова срывался.

Какие тут споры? —

Всем ясно и так,
Что в церкви полно шарлатанства
И что социальный марксизм
Куда как родней христианству,
Чем наш крепостнический строй,
До сих пор до конца не изжитый,
А сам он последний дурак
В свете самых последних открытий.

А разве себе самому
Сумел бы он внятно ответить,
Что так его сильно влечет
В старинные здания эти?
Ведь это безумие —
Ждать, чтоб тебе наяву разъяснился
Тот сон непостижный,
Что в детстве когда-то приснился.

Он был этим сном изумлен,
Потом над собой посмеялся
И очень научно решил,
Что Гауфа он начитался.
Такие чудесные сны
Волшебникам снятся, наверно...
Он Гауфа скоро сменил
На Купера и на Жюль Верна.

Он прерии пересекал,
Он плыл в океанские дали...
Но сон повторился опять
Подробно, до каждой детали.

...Лачужка в убогой глуши —
Подобие ветхое дома, —
А рядом согбенный старик,
Совсем как давнишний знакомый,
Его приглашает войти
И низкую дверь открывает, —
И входит Володя в сияющий храм,
Каких наяву не бывает.

Измерить его высоту
Нельзя —
Он уходит всё выше...
А справа – какая-то лестница в нише.
И он уже вверх по ступенькам бежит,
По узким и шатким,
И слышит:
Старик припускается следом.

А мальчик
Бежит всё быстрее, на пределе дыханья...

И вот он на крыше какого-то зданья...
Но крыша ли это?
С обеих сторон
Вздымаются ввысь небывалые башни,
Теряясь во мгле...
И особенно страшно
Туда поглядеть, где, светясь изнутри,
Над черным провалом стоит балюстрада...

Но вот его спутник —
Он ласковым взглядом
Его к балюстраде зовет подойти
И, облокотившись, становится рядом.

И вот, осмелев, наклоняется он
Над той,
Не имеющей основанья
Стеной —
И созвездья, красу мирозданья,
Он видит внизу, далеко под собой...
И в этот же миг обрывается сон.

И вот с этой самой поры
Его мир разделился
На тот, что вовне – для других,
И на тот,
О котором бы он не решился
Поведать словами.

И он рисовал непрестанно
То храмы, огромные, как города,
То города
Из одних только храмов.

Ах, как же он редко туда попадал
Во сне...
А потом просыпался
Счастливым, как Ангел,
И долго еще
Во власти тех снов оставался.

Но как же со всем этим быть наяву?
Он мыслил довольно сумбурно...
И все же с упорством —
Не раз и не два,
А трижды срезался он в архитектурный.

– Афина Паллада¹, – смеялся отец, —
Тебе преградила дорогу в масоны.
И тут исподволь предложил вариант:
– Давай, брат, масонов менять на кессоны.

Так, может, и вправду судьба его —
Строить мосты?
И храм – это образ моста
Меж землю и небом...

А вот и Мартын!..
Как давно я здесь не был...
Наверное, встречи заждался и ты.
Ну, дай на тебя поглядеть —
Нет другого такого на свете!
И солнце всегда над тобой по-особому светит!
В восторге, должно быть, оно от твоей красоты...
.....

...По будням здесь нет никого,
Кроме нищих у входа.
И только по будням
Он дышит здесь той же свободой,
Как в храмах нездешних...
И разве что с легкой усмешкой
За ним наблюдают
Обычно бесстрастные лики святых...

Тут женщину он замечает,
По виду – из самых простых.

...Так бедно одета,
Но как же непринужденно
Она, погрузившись в себя,
Сидит на скамье у колонны...
Какое спокойствие веет с лица —
Так дочь пребывает в пределах отца.

– Но где же я видел ее?
Да она из прислуги из нашей!
Конечно, – вторая кухарка Дуняша.
И чтобы ее не смутить,
В боковую он выскользнул дверь.

...Закатное небо расцвечено розами...
– Схожу-ка в Покровский теперь!

¹ Афина Паллада – намек на обязательный элемент экзамена по рисунку при поступлении в архитектурный институт.

.....

Пешком от Таганки дойти до Арбата
Для Дуни не труд, а забава.
Идешь – как летишь между храмов,
А храмы и слева, и справа!
Закат, как багряный венец,
Полыхает над ними!
Неужто роскошнее будет
В небесном Иерусалиме?

И радость такая, как в детстве далеком,
Тут в сердце взыграла,
Как в детстве, когда ее крошка Матрона
Смеясь, обнимала,
Ласкала, голубила:
«Дунюшка-Дуня, сестренка моя,
Ах, как же Господь тебя любит!
Ах, как же люблю тебя я!»

Вбегает Дуняша в каморку,
Где спит она вместе с Настасьей.
Да что же случилось?
Откуда оно —
Ощущение счастья?

И тут до того захмелела,
Что в зеркало глянула смело.
Ведь дело идет к тридцати —
А все-то она не стареет,
И темная кожа ее потихоньку белеет,
И вот уж совсем
Не похожа она на шкелет —
Накушалась досыта барских котлет.

.....

– Ты где загуляла? —
Кричит ей Настасья.
– Давай, шевелись!
У нас тут такое творится!
Закончилась легкая жизнь.
Двум барыням сразу
Теперь нам придется служить —
Решила Мария Григорьевна
Сына женить.

Спокойно, как мертвая,
Дуня спросила:
– Так свадьба назавтра?

– Назавтра смотрины!
Сдурела ты, что ли, совсем?
За работу берись!
Ждем завтра к обеду невесту
С мамашей-княгиней.

.....

– Во-ло-дя! Не вздумай опаздывать!
– Я обещаю. Но если со скуки помру,
Не дождавшись десерта и чая,
Отдашь в пользу бедных мое бланманже.
– Ты слышишь, Иван?
Он дерзит мне уже!
Ты дашь умереть нам спокойно?
Покуда мы живы —
Тебя мы должны непременно женить!
– Вот стимул, моя дорогая, подольше прожить, —
Отец замечает.
– Ведь мы же тебе не враги,
Женитьбу навязывать силой не будем.
Но Шуховы – очень достойные люди.
И Ксеничку с матерью видел не раз ты.
Мы их в Пятигорске встречали и в Ялте.

.....

Да что, в самом деле, морочит он папу и маму?
Прекрасно он помнит
И эту блестящую даму,
И девочку, крошку совсем,
И ее золотистые косы.
И очень не прочь увидеть ее взрослой.

.....

– Ну, что ты мне скажешь?
По-моему, он в восхищеньи!
– Не сглазь и не вздумай давить на него.
Пусть сам принимает решение.

– О Боже, имею я право хоть раз помечтать!
Подумай, еще в Пятигорске обманывать мать
Мальшку учил
Наш балбес-гимназист!
Не знаю, расслышал ли ты?
Чтоб ей не давиться лечебным нарзаном,
Он с ней потихоньку менялся стаканом,
А бедный нарзан отправлялся в кусты.
Теперь это кстати необычайно,
Теперь они связаны общей тайной.

– Найдется, найдется
О чем побеседовать им.
Девушка весьма развитая,
Флоренцию видела, Рим...

.....

...А на ночь, конечно,
Она разбирает шиньон,
И в длинную косу тогда
Превращается все это чудо.
Не знай он себя хорошо,
То решил бы уже, что влюблен...
– А может, и вправду влюблен?
Все равно торопиться не буду!

...О многом наслышана, что-то читала она
(А глазки какие!
А шейка под черной бархоткой!),
Но главное то,
Что она неподдельно скромна —

Он знает: среди барышень светских
Совсем не такая уж редкость
Увидеть гибрид теософки
С парижской кокеткой.

– Пока что могу с дорогою душой
Возить их Шаляпина слушать в Большой...
А вскоре все взятки с него будут гладки:
Полгода уж строится мост через Вятку,
Как штык, он там будет в назначенный срок.
Дальнейшее знает один только Бог.

...Спешит – а навстречу Дуняша,
Которую в церкви он видел.
– Как резко она отвернулась!
Ничем я тебя не обидел?
С прислугою надо подчеркнута вежливым быть, —
Покойница-бабка любила всегда говорить.

.....

.....

...А станет работа валиться из рук —
Дворецкий прознает и сразу прогонит.
О, хоть бы на пару денечков домой —
Наплакаться в досталь,
Прижаться к Матроне!
А здесь и слезинки нельзя проронить:
Увидят – решат, что больна.

Прогонят, прогонят немедля —
Кому-то больная нужна?

А сердце от боли вот-вот на куски разорвется,
Не зря ей сулили, что смертью любовь обернется.
Матронушка! Как бы добраться к тебе
Злосчастной, безгласной, бесправной рабе?

.....

И тут ей Настасья, смеясь, сообщает:
– Нежданные праздники нас ожидают!
Как только Владимир Иваныч отбудет,
То следом
Аж на две недели
Родители в Питер уедут.
Хозяин за двери —
А мыши пускаются в пляс.
Как видишь,
Не так уж и плохо живется у нас!

Вот чудо так чудо!
Но как же теперь-то ей быть?
Так трудно, так стыдно кого-то о чем-то просить!
А даже отпустят?
До дома пешком не дойти —
Где денег добуду?
Но Бог ее слышит —
И чудо сменяется чудом.

Дворецкий зовет ее сам и смущенно,
Не глядя в глаза, говорит:
– Какая-то, вроде, Матрона
Живет у тебя на селе
И, вроде, больных исцеляет,
И даже тяжелых совсем,
А сама она, вроде, слепая...
Ты знаешь ее хорошо?
– Она мне родней, чем сестра!
– Вот видишь... А к нам тут приехал вчера
Из Тулы снохи моей старшей свояк,
И, стало быть, твой он земляк...
И всё про Матрону, про Митревну эту...
Дуняша, мой внучек...
Ты знаешь, болезнь его страшная мучит!
Уж ты никому... Я доверюсь тебе...
Такой ведь мальчонка... а болен падучей!

И слезы смахнул.
– Так чего же мы ждем?

Сейчас же к Матроне его отвезем!
– Да нет, не решатся они в одночасье.
Спросить бы у Митревны этой согласья!
Неплохо тебе бы поехать самой.
Я дам тебе денег, Дуняша, я знаю —
Ты дочиста все отсылаешь домой.
.....
.....

...Неужто она разучилась ходить далеко?
Ведь станция дальше не стала! А так нелегко
Идти... И чем ближе село —
Тем труднее шагать,
Как будто весь воздух куда-то девался —
Так трудно дышать.

...Как странно – еще ведь светло,
А на улицах нет ни души...
Но вот их изба,
К ней невестка навстречу спешит,
За ней – ребятишки,
И мама стоит у ворот...
Матрона, небось, угадала,
Что Дуня сегодня придет.

Ее обнимают, целуют, сажают за стол.
– А вы почему не едите?
Случилось ли что?
– Мы только с поминок.
Ты ешь, ты с дороги, родная!
– Легко говорить! Кто же помер?
– Да ешь ты, сейчас все узнаешь.

– А помер, пусть будет земля ему пухом,
Гаврилин...
– Гаврилиных – семеро братьев!
Кого схоронили?
Молчат, словно русскую речь позабыли.

Дуняша вскочила – да что же случилось?
Ведь это ж не первая смерть на селе,
Не первый покойник на грешной земле.
Так что же они языки проглотили?
Неужто убили? Который Гаврилин?

– Сестры их двоюродной свадьбу играли...
И, стало быть, всех их на свадьбу позвали.
Хотела Андрея жена не пустить,
Ведь знала – не может родня им простить,

Что стали с торговли так скоро богаты,
Что въехали в каменные палаты.
...А братья на свадьбе, видать, перепили,
Про все, кроме злобы своей, позабыли...
Они ведь и раньше хотели Андрея убить,
Матрона твоя говорила,
Что долго ему не прожить.

Пригнулась Дуняша —
Стоит и не дышит,
А стены избы, и стропила, и крыша
Вокруг нее вдруг
Ходуном заходили
И тысячью голосов завопили:
— Андрея Гаврилина братья родные
Убили! Убили! Убили!

Не рухнула наземь небесная высь,
И все по делам по своим разбрелись.
Но жить, как мы жили,
Мы больше не сможем,
И с нас эта кровь
Будет взыскана тоже.
Мы все тут виновны, что братья родные
Убили Андрея! Убили! Убили!
.....
.....

— Ну что ты ревешь? —
Увещает Матрона Дуняшу. —
На братней крови и стоит
Земное страдание наше.
Вот август настанет — и грянет война,
Какой не бывало вовеки,
Натешится злоба людская сполна,
Аж кровью окрасятся реки.
И все, что казалось нам вечным, — падет!
И больше не будет ни слуг, ни господ!..
Что, кончила плакать? Очнулась?
Сильнее всего тебя это коснулось!

Но Дуня в ответ зарыдала опять:
— Таковую невесту нашла ему мать!
Княжна и красавица!
Господи Боже!
Бежать мне оттуда, бежать!

Матрона вздохнула, слегка помолчала,
Да как расхохочется звонко:

– Так вот с чем к нам Дуня Носкова примчалась —
На свадьбу господскую звать!
А я-то решила —
Заради больного мальчонки.

Ну вот что – скажи,
Чтоб мальчонку везли поскорей,
А свадьбу Матрона играть не велела!
– Ну что ты смеешься над бедною Дуней своей?
Ведь я умираю,
Хоть ты бы меня пожалела.

– Слепая Матрона жалеет слепых!
Ты зрячая.
Посланный Богом жених
Твой Жданов.
Так дай ему время
Тебя разглядеть за преградами всеми,
Которые злоба людская меж вами
Одну за другой громоздила веками.
.....

Старуха Наталья ее провожает
До самых ворот.
– Ну совсем городская!
И ручка-то мягкая стала какая!
А мать говорила – кастрюли ты чистишь...
– Меня теперь учат господскую пищу
Готовить, – Дуняша, смутясь, отвечает. —
И руки приходится строго блюсти.

...Недолгую гостью перекрестив,
Наталья, как будто во сне, посмотрела
На черные, в трещинах руки свои...
...Из персти земной было создано тело,
И станет землею – мы все ей сродни...

И снова проплыло в сознании сонном —
Вот, плод ее чрева, дочурка Матрона
Живет, не касаясь земли,
Живет, словно в царстве Субботы,
И нежные ручки не знают
Ни черной, ни белой работы...

IV

О труд заверченный!

Что может сравниться с тобой!
По жилам разносится хмель,
Пьянящий и сладкий...
Над нами бездонное небо,
Внизу – изумленная Вятка...
Куда ни посмотришь – налево, направо, —
Заходится сердце от шири!
А завтра над этой водой понесутся составы
В объятья Сибири.

О как же прекрасен Твой храм,
Единственный Зодчий!
И как просветлели
Глаза бородатых рабочих!
В чертеж мироздания ложатся штрихами
Мосты, возводимые нами!
Нам столько построить еще суждено,
Мы встретимся снова на Каме!
.....

...Он счастлив.
Он едет домой.

В нем разом все чувства проснулись...
(– Наверное, Шуховы из-за границы вернулись.)
Он так опьянен своей первой победой!
Пора уж и прочие радости жизни отведать.
И с Ксенией надо как можно скорей объясниться.
Не стыдно ли за нос водить молодую девицу?
Ведь ясно, что лучше нее
Никого он не встретит.
Пускай уж одним бобылем
Станет меньше на свете.

Колеса стучат,
И, как в детстве, становится странно —
Манит его город родной,
Как манят чужедальные страны.
Ему проплывавшие мимо вокзалы,
Ночные звонки, световые сигналы
Всегда предвещанием чуда казались,
Когда они летом в Москву возвращались
Из Крыма, с Кавказа...
(Отец не любил заграницы,
Плебеями вслух называл
Отдыхающих в Ницце.)

Какую же тайну, о город,
Скрывают упрямо

Твои переулки, сады,
Бессчетные храмы?

А в храм он давно не входил,
Ни во сне, ни средь белого дня...
А может быть, *там*
Не хотят больше видеть меня?
.....

...Дорога петляет,
Ее бы получше запомнить...
Как много здесь храмов старинных,
Заброшенных, темных...
А с этого только что сняли леса.
Красуется он белоснежной волшебной горой
И славит российский «модерн»!
И нет ему дела,
Что всюду кричат о войне
И с горьким надрывом поют,
Что отныне
Не нужен ни Бог, ни герой...

Он входит,
Здесь все ему очень знакомо,
Как будто он в маленьком храме
У самого дома...
И те же иконы,
И так же взирает из ниши
Библейский Амос,
От огненной гибели мир отмоливший...

А где же святой Серафим
И его нарисованный скит?
Художник, наверно, зачем-то унес,
Не зря тут стремянка стоит...
Но это же снится ему...
Наплывают пространства иные...
Он в церкви,
Которую видит впервые.
Беленые стены,
Икон очень мало
И росписей нет...
И все наполняет молочный,
Почти осязаемый свет.

Остаться бы здесь навсегда!
Сиянием этим упиться...
В нем слиты в одно
Торжество и покой!

О если бы в нем раствориться!

Но кто это в правом приделе стоит?
И смотрит любовно, и взглядом ласкает!
До самого сердца тот взгляд проникает,
Безмолвно о стольком ему говорит!

Согбенный священник,
В изношенной рясе,
Истертой едва не до дыр...

– Конечно, я сразу узнал тебя,
Мой поводырь!
В надзвездную высь я с тобой поднимался,
Тобою хранимый,
Ты рядом со мною с тех пор
Всегда пребываешь незримо.

О как же я счастлив!
И старец ему отвечает улыбкой...
Но это же сон!..
И пространство становится зыбким.
Он снова в приделе,
Который он видел вначале,
Вот образ Амоса,
Стремянку, должно быть, убрали...
Он взгляд поднимает и видит —
Склонился над ним
Печальный горбатенький Ангел,
Святой Серафим.
.....

...Проснувшись, глаза открывать он не хочет.
Так жаль расставаться с увиденным ночью.
Душа еще там,
А в уме уже мысли о Ксении.
Да сколько же можно тянуть с предложеньем?

Но птичий трезвон
Уже вытесняется уличным шумом,
Надвинулась явь
С ее распорядком угрюмым.
А вот и квартальный
Вовсю распекает кого-то,
И надо вставать
И готовить бумаги с отчетом.

– Мой свет несказанный!
Опять я с тобою в разлуке...

Линейку и циркуль сжимают
Привычные руки.
Сознание послушно выводит свои уравнения...
Но то, что руками не схватишь,
Не вычислишь,
То, чему нет и сравнения
Во всей этой жизни вокруг,
Шумящей, кипящей,
Уверенной твердо,
Что только она – настоящая!..
То,
Что всегда остается в душе,
Пускай даже слабым свеченьем,
Таинственной силой опять побеждает
И разума голос, и плоти влечение.

Княжна ведь не первая женщина в мире,
Которая в нем пробудила желанья.
Приученный к формулам четким,
Он сам не впервые
Вопросы, которые быстро и просто решают другие,
Упрямо пред собственным ставит сознаньем.

Над телом смиренным и бранным
Высокий божественный дух,
По правде сказать, наделен
Весьма относительной властью.
И каждому ясно,
Который из двух
Условия ставит душе,
Диктует желанья и страсти.

Бессмертного света частица
Не в рабстве, конечно,
Но в цепком плену.
Ей только во сне удастся
К истокам родным прикоснуться.
Так что же с ней будет,
Когда воедино два тела сольются,
А души, чужие друг другу,
Не смогут составить одну?..

.....
.....

Сирень распускается.
В царство сирени
Арбат превращается каждой весной...
Но воздух пропитан тревогой,

Всё явственней пахнет войной,
Всё громче царей проклинают,
И с каждой минутою тает
Надежда избежать крушенья.

Безумное слово Антанта
В сознание вошло и в язык.
Звенит, словно имя сирены,
В пучину манящей.
А Революция
Слышится чаще и чаще.
Неотвратима она,
Как нацеленный штык.

– От лютого зверя по кличке народ
Одна лишь война нас теперь и спасет!
– Ну полно! Им надо навстречу пойти —
И нечего будет бояться.
– Простите-простите!
Не зря же всемирное братство
Они учредили!
Их цели вполне откровенны.
Грозят ниспровергнуть основы вселенной.
Хотят все различья стереть
Между ними и нами,
Над всею землей водрузить
Свое красное знамя!
И съезды проводят,
И гимны слагают,
Друг друга товарищами величают,
Для праздников общих находят причины —
В честь Энгельса некоего годовщины
От русского хама немецкому хаму
В торжественном слогe
Летят телеграммы!
А вы говорите – чего тут бояться?
Да лучше погибнуть,
Чем с ними сравняться!
.....

Контора дворецкого —
Сразу у главного входа...
Доносится голос его в приоткрытую дверь:
– Так прямо сказала,
Что в августе этого года?
О Боже! Она же святая!
Попробуй-ка ей не поверь!

(– Илья Тимофеич с живыми святыми спознался!

Он в эти материи раньше
Не слишком вдавался.)

И женщины голос, глубокий и низкий,
Ему отвечает:
– Так август ведь близко.
Увидим, что будет.
Пока затеваться не надо.
Кто вовремя сдержится —
После не плачет с досады.

– Как раз про женитьбу мою, —
Усмехается Жданов.
И в комнатку входит.
– Простите меня, ради Бога!
Нахальство, конечно, вот так вот, с порога.
Но вы о каких-то святых говорили провидцах,
И, стало быть, сами – чудес очевидцы?

Дворецкий Дуняше моргает:
«Не выдай!»
А сам суетливо ему отвечает:
– Матрона такая у них на селе,
Посмотришь —
Ну малое дитяtko с виду!
А самых тяжелых больных исцеляет,
Мой родственник видел,
И Дуня – свидетель.
Поводит руками —
И напрочь болезни снимает.
Попробуй, скажи,
Что чудес не бывает на свете!

А тут преподнес мне подарочек зять:
Хочу, говорит, все, что есть, распродать,
Уехать под Нижний, открыть свое дело —
Приспичило дурню хозяином стать!..

– Так что же на август вам эта святая пророчит?
– Да нам ли одним? —
Зашептал Тимофеич. – Такое,
Что страшно поверить
И вымолвишь только с трудом.
Великой войною грозитя
И Божьим Судом!
А вместо царей, говорит,
Будут править мужик да рабочий!

(– А Дуня-то раньше в глаза не смотрела,

А нынче так держится прямо.
Ну да, ведь она у нас важная дама —
Сельчанка, а может быть, даже —
Подружка святой.)
– А часто ее предсказанья
Сбываются? Видел ли кто?
– Какие – сбылись, —
Говорит она тихо. —
Каким не пришел еще срок.

И тут, покраснев, отвернулась Дуняша.
– Второй Иеремия знакомая ваша!
Ну ладно, посмотрим, чего она стоит,
Матрёна-пророк!
.....
.....

Сараевский выстрел. Истерики близких.
Уже патриотов готовятся роты.
– Куда вы? Неужто земли у нас нету?
Вы, может, хотите всю эту планету
Под зад подпихнуть
Психопатке-Алиске?

Родители в панике.
(Вот уж теперь не до свадьбы!)
– Володьку на Каму скорей отослать бы!

Ну вот и конец абсолютной монархии,
Вот и венец —
Абсолютно прогнила.
А скольких еще
За собою утащит в могилу!

– Володька из прошлой поездки
Вернулся ну просто скелетом!
– Иван! Мы уже говорили об этом.

Ну я виновата, сглупила,
Могла бы понять,
Что этот дурак не сумеет
На месте прислугу нанять.
Я с ним отправляю Дуняшу.
Готовить она научилась
И девочка скромная.
– Рад за нее.
Но как бы чего не случилось!
.....

– Что, Дуня,
Варвара совсем помогать вам не хочет?
Конечно, твое поведение похвально, и очень.
Но в чем же ты ходишь!
Аж страшно смотреть.
Вот тут мои старые платья.
А то на тебя поглядят —
И решат, что мы людям не платим.

V

Ну что, тебе страшно, дуреха?
И страшно, и нет:
Ведь это же все происходит во сне.
А может быть, ей вспоминаются прежние сны?
Иль заново снятся? —
Иначе откуда знаком

Ей этот бревенчатый город
И дом,
В котором они поселились,
И в Каме глубокой
Хранящая тайну вода...
А может быть, здесь они жили всегда?
А все остальное приснилось?..

Царь Манассия² Повесть

I

Царя Манассии грехи
Тяжелой тучей
Висели над Иерусалимом.
В должный срок
Она дождем свинцовым разродилась
И каменным.
Пустыней стал великий город,
Возлюбленный Всевышним.

И не избегнул наказания царь Манассия:
Он был закован в цепи
И на чужбину отведен как пленник.
В огромном Вавилоне
Он в тесную был помещен темницу
И там оставлен
С памятью своей наедине.
Возможна ль собеседница ужасней?
Таких грехов жестоких и бесстыдных,
Какими до краев она полна,
Никто еще не совершал, пожалуй.

Едва захочет
Сознание истомленное Манассии
В какой-нибудь из уголков ее забиться,
Его тотчас оттуда гонит прочь
Видение кровавого кощунства,
Им совершенного.
И так – в несчетный раз.

Отчаявшись, решает царь
С обоими —
С сознанием и с памятью —
Покончить разом.
И с короткого разбега,
Насколько позволяет цепь,

² *Манассия* – иудейский царь, четырнадцатый из династии Давида. Период его правления охватывает почти всю первую половину VII в. до н. э. В IV Книге Царств (21, 11–12) о нем сказано: «За то, что сделал Манассия, царь Иудейский, так говорит Господь, Бог Израилев, – вот, Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвонит в обоих ушах у того.» Также у пророка Иеремии: «Так говорит Господь: <...> отдам их [израильтян] на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, царя Иудейского, за то, что он сделал в Иерусалиме» (15, 4).

Он ударяет головой о стену.

Боль
И крови вкус соленый
Царя с самим собою разлучают ненадолго:
Вот он опять в Иерусалиме,
И небо – как расплавленный сапфир,
И солнце нежно жжет
Сквозь перья опахала.

В сопровождении друзей
Царь пересек подворье Храма
И на потеху свите
На стене священной
Нарисовал когтистый знак Молоха.

– Царь! Помилуй!
Ты нас погубишь всех!
За святотатство это
На наши головы обрушится сей Храм! —
И тянется дрожащая рука
Ужасный знак стереть.

Не говоря ни слова,
Короткий меч хватает царь Манассия
И руку отсекает.
Тотчас же царские друзья
Священника на землю валят
И бьют ногами до смерти.
А царь
Его с улыбкой вопрошает:
– Что ж?
Как видишь, Храм не рухнул.

Но в ответ
С земли встает старик-священник
И отрубленной рукой
Пытается стереть ужасный знак.
И вновь его сбивают с ног,
И вновь
Он поднимается и тянется к стене.
И вновь он на земле.
И вот встает опять.
И видит в ужасе Манассия —
Захлопнулась минута, как ловушка,
И он отсюда никогда не выйдет.

И еле-еле
Ворочая тяжелым языком

И непослушные слова соединяя,
Царь просит Господа Всевышнего
Его
Отсюда
Выпустить...
Но Бог его не слышит.
А старик опять встает,
И снова падает,
И вот опять встает...
И царь кричит,
Кричит и Бога умоляет!..
.....

В темнице смрадной пробуждаясь,
Весь в крови,
Дрожит Манассия от боли и обиды
На Господа.

– Велик, велик мой грех!
Но почему же молния Твоя
В тот миг меня не поразила? —
Храм не рухнул,
Солнце
Сияло в безразличной вышине,
И царь Манассия как победитель вышел
Из наглой брани с Господом небес!
О горе!

– Почему меня
Земля, разверзнувшись, не поглотила,
Когда я сыновей своих в огонь
Кидал
Как наилучший дар Молоху?!..
.....

...В двенадцать лет
На царство был Манассия помазан
В том городе единственном,
Который
Избрал для обитания Всевышний.

И город сей в садах благоуханных,
И землю, источающую мед,
И свод небесный с солнцем и луною —
Как должное
В бестрепетные руки
Он принял.

Царские рабы

Во всем ему покорны,
Священники Господни
В нем Божьего помазанника чтут,
И дорого заплатит тот,
Кто счастьем беспредельному Манассии
Захочет указать предел.
Но солнце, обходя великий город,
Отсчитывает дни
И отмеряет ночи.
И вот царю однажды показалось,
Что дни, сияющие безмятежно,
Короче сделались,
А ночи – холодней.
И этот холод, словно запах тленья
Прилипчивый,
Он отогнать не может,
Как будто он сочится изнутри,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.